

Perceptions of the second sophistic and its times — Regards sur la seconde sophistique et son époque / T. Schmidt, P. Fleury, ed. Toronto: University of Toronto Press, 2010. 304 p.

Данная книга явилась результатом работы группы исследователей в рамках проекта «Взгляды на Вторую Софистику и ее эпоху», организованного Лавальским университетом в сентябре 2007 г. Непосредственные задачи работы проекта состояли в том, чтобы рассмотреть, как *Вторая Софистика* осознавалась в интеллектуальной среде II–IV вв. по Р. Х., а также детально изучить основные направления литературной деятельности как более ранней эпохи II — начала III в. (Плутарх, Элий Аристид, Павсаний, Дион Хризостом, Гален, Филострат), так и более поздней — III–IV вв. (Климент Александрийский, Либаний, Фемистий), причем, что особенно интересно, большое внимание было уделено различным социально-политическим реалиям исследуемого периода. Такой разносторонний подход удовлетворяет современной трактовке *Второй Софистики* как социально-политического явления¹. Работа исследовательского проекта была организована таким образом, что различные доклады участников были распределены между пятью тематическими секциями, каждая из которых представляла определенный подход к *Второй Софистике* и ее эпохе. По итогам работы данного проекта в 2011 г. вышло настоящее издание, которое включает в себя 14 докладов участников, переработанных с учетом обсуждения. Статьи распределены между пятью разделами: 1) Существо и представление о *Второй Софистике* (Essence et présence de la Seconde Sophistique); 2) Оратор и его образ (L'orateur et son image); 3) Прошлое и греческая идентичность (Passé et identité grecque); 4) Текст, традиция и представление (Texte, tradition et performance); 5) Наследие и влияние *Второй Софистики* (Héritage et influence de la Seconde Sophistique). Устройство сборника и характер докладов делает издание полезным как для специалистов, так и для начинающих исследователей, поскольку, главным образом благодаря обстоятельной вступительной статье редактора сборника проф. Томаса Шмидта, читатель получает представление об истории рассмотрения ключевых вопросов, связанных со *Второй Софистикой*. В работе канадского проекта приняли участие ученые из разных стран, чьи сферы научных интересов включают помимо языческой литературы II–IV вв. также и творчество христианских писателей, что, несомненно, способствует более разностороннему взгляду на эпоху.

Первый раздел сборника открывает статья проф. Адама Кемезиса², посвященная изучению культурной географии «*Жизнеописания Софистов*», в которой сочинение Филострата рассматривается, прежде всего, как литературное, а не историографическое произведение. Кемезис показывает, что исторический экс-

¹ Bowersock G. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969; Gleason M. Making Men: Sophists and Self-persuasion in Ancient Rome. Princeton, 1995; Goldhill S. Being Greek under Rome: The Second Sophistic, Cultural Conflict & the Development of the Roman Empire. Cambridge, 2001; Connolly J. Reclaiming the Theatrical in Second Sophistic. Helios, 2001.

² Kemezis A. Narrative of Cultural Geography in Philostratus' Lives of the Sophists // Perceptions of the second sophistic... P. 3–22.

курс понадобился Филострату для того, чтобы очертить важнейшие тенденции своего времени: безусловный культурный приоритет Афин, откуда происходил Эсхин, с которым связано распространение влияния аттического красноречия в Азии и на Западе. Это соответствовало наличию во времена Филострата крупных центров красноречия в Малой Азии и в Риме, но подчеркивало приоритет и центральную роль Афин и аттицизма. Кемезис справедливо подчеркивает «Афиноцентризм» всего повествования Филострата и тем самым усматривает в этом тексте своего рода манифест и яркое выражение той тенденции, которая действительно объединила многих авторов рассматриваемого периода.

Профессор Ян Хендерсон³ в своей статье развивает идею Кемезиса, заостряя внимание на адресате сочинения Филострата, которое описывало реалии жизни и узкой прослойки интеллектуальной элиты и было предназначено для тех немногих, кто стремился к чистоте языка, изяществу стиля и изобретательности образов. Хендерсон подчеркивает, что за немногими исключениями все софисты, описанные Филостратом, принадлежат к высшим слоям римской знати, для которой было важно сохранить и закрепить свой социальный престиж и свое политическое влияние. Именно в этом контексте, подчеркивает автор, следует рассматривать все большую роль виртуозного красноречия, которое характеризует литературу *Второй Софистики*. Но Хендерсон справедливо отмечает, что элитистская модель Филострата не исчерпывает всего многообразия литературных форм и жизненных установок эпохи: об этом свидетельствуют не только Эпиктет и Лукиан, но и апостол Павел и Мелитон Сардийский, которые, по мнению автора, сознательно противопоставили свой антириторический пафос нормам *Второй Софистики*. Установка представляется очень продуктивной, поскольку она открывает новые перспективы анализа литературной стороны эпохи с учетом христианских авторов.

В статье проф. Доминика Коте⁴ представлен иной взгляд на *Вторую Софи-стику*. Коте отмечает, что Филострат стремился изобразить основные тенденции жизни как интеллектуальной и политической элиты, так и представителей философски ангажированной прозы, далеких от политических притязаний. С одной стороны, большое внимание в «*Жизнеописаниях*» уделено Героду Аттику — политику, известному благотворителю, стороннику чистоты языка и в то же время философу, причастность которого к подлинной премудрости делала его существом высшего порядка, сравнимым с Гераклом или Пифагором. С другой стороны, в эпизоде встречи Герода с таинственным беотийцем Агафионом перед читателем предстает образ подлинного героя *Второй Софистики*, олицетворяющего чистую природную красоту человеческого таланта, которая, по мнению Филострата, исконно была присуща аттическому языку, но со временем угасла под влиянием варварских языков. Коте подчеркивает, что очевидная искусственность образа Агафиона делает его мифическим персонажем, символом и полубогом *Второй Софистики*, чей образ поразительно контрастирует с велико-

³ Henderson I. The Second Sophistic and Non-Elite Speakers // Ibid. P. 23—35.

⁴ Côté D. L'Héraclès d'Hérodote: héroïsme et philosophie dans la sophistique de Philostrate // Ibid. P. 36—61.

светским блеском придворных софистов. Этот очевидный парадокс может быть отчасти объяснен тем, что как Герод, так и Агафион — пифагорейцы, носители божественной мудрости, которая в конечном счете для Филострата оказывается важнее ораторского мастерства и архаизаторской тенденции.

В докладах второй секции рассматривается идея о божественности как о выразительной характеристике, присущей образу оратора *Второй Софистики*. Проф. Паскаль Флэри⁵ убедительно показывает, что хотя в период *Второй Софистики* имела место некоторая мистификация риторической практики, выражающаяся в высоком, торжественном стиле, присущем сочинениям ораторов, звучащем словно из глубины ушедшей эпохи в защиту отеческой религии, тем не менее в это время происходит десакрализация риторики, т. к. талант красноречия полагается в сфере природных способностей человека, и мистификация служит некоторым ораторам только как техническое средство привлечения внимания к собственной персоне. Такая корыстная эксплуатация религиозного чувства представляется автору весьма закономерной приметой рассматриваемой исторической эпохи. Проф. Жанет Доуни⁶ посвятила свою статью образу посвященного миста и атлета, которым Элий Аристид наградил себя в «*Священных речах*». Доуни трактует это сочинение как своего рода литературный манифест оратора, рассчитанный, прежде всего, на коллег софистов, для которых вопросы назначения и интерпретации их искусства обладают непреложной важностью. Рассказ о болезни и божественном исцелении, об интимных деталях, связанных с телесными страданиями; традиционные для античной риторики мотивы инициации и тренировки атлета являют читателю талант и литературную изобретательность автора, не боящегося представить на суд коллег свои личные переживания, чтобы продемонстрировать тем самым свою профессиональную искушенность. Продолжая характеризовать внешний образ оратора *Второй Софистики*, проф. Анн Паскье⁷ ставит перед собой очень интересный вопрос. Соглашаясь с тем, что профессиональные софисты в рассматриваемый период единодушно стремились к чистоте классического аттического языка и ассоциировали себя с образованными эллинами — интеллектуальным авангардом эпохи, автор статьи справедливо замечает, что этого недостаточно для характеристики организованного движения. Возможно, эти критерии были своего рода «приметами времени», свойственными многим авторам. В связи с этим она предлагает для более объективной характеристики эпохи обратиться к свидетельству христианского автора Климента Александрийского, который в своем «*Протрептике*» изображает ту же эпоху, что и Филострат. Вслед за проф. Пьером Адо автор статьи задается вопросом о том, насколько исторически достоверны образы, представленные Климентом. Упражняясь в экфрасисе, Климент создает их, следуя современной риторической практике. Филострат тоже часто обращается к экфрасису, характерной чертой которого было осознанное предпочтение изящ-

⁵ Fleury P. L'orateur oracle: une image sophistique // Ibid. P. 65—75.

⁶ Downie J. Portrait d'un rhéteur: Aelius Aristide comme initié mystique et athlète dans les Discours sacrés // Ibid. P. 76—86.

⁷ Pasquier A. Une écriture du visuel au temps de la Seconde Sophistique: Clément d'Alexandrie (Protreptique) et Philostrate (Images) // Ibid. P. 87—101.

ности и образности речи историческим реалиям. Автор убедительно доказывает, что Климент не только ставит перед собой сходную с Филостратом задачу, но и, умело владея популярными риторическими приемами, создает сочинение, которое «по техническим параметрам» не может быть противопоставлено произведениям представителей *Второй Софистики*.

Следующая секция «*Прошлое и греческая идентичность*» посвящена вопросу греческого самосознания в период *Второй Софистики*, когда политически зависимое греческое население столкнулось с небывалым распространением своей культуры и языка среди варваров. Чувство некоторого удовлетворения всеобщим признанием только усилило ностальгию по ушедшей эпохе греческого политического могущества, которая ассоциировалась с Афинами и торжеством аттического греческого языка. Проф. Томас Шмидт⁸ рассматривает эту проблему в связи с образом варваров в сочинениях Диона Хризостома. Автор статьи сопоставляет энкомии Плиния Трояну и Плутарха Александру Великому с «*Речами о царстве*» Диона Хризостома. В отличие от своих коллег, Дион изображает варваров в положительном свете, что обусловлено, прежде всего, жанровыми особенностями его сочинения, которое не нуждается в обязательном отрицательном персонаже для усиления похвалы. Тем самым мы видим, что негативное отношение к варварам, во всяком случае для Диона, не является абсолютным, напротив, он жертвует им в угоду литературным целям.

Проф. Яник Оберже⁹ посвятил свою статью анализу «*Описания Эллады*» Павсания. Риторическое изящество сочинения Павсания, присущая ему ностальгия по прошлому, сочувствие идеям, свойственным ведущим представителям *Второй Софистики*, делают его законным участником литературного процесса, что служит очередным доказательством того, что многие принципиальные характеристики *Второй Софистики* были присущи не только среде профессиональных риторов. С одной стороны, это поддерживает представление о распространении определенных взглядов в данную эпоху, но с другой — размывает границы организованного софистического движения, так что приходится вновь говорить о «приметах эпохи».

Следующий раздел открывает статья проф. Карин Шлапбах¹⁰, посвященная рассмотрению фрагмента из «*Застольных Бесед*» Плутарха, а именно речи Аммония о танце. Хотя тема эта весьма традиционна, встречается в «*Пире*» Ксенофонта, тем не менее Плутарх интерпретирует ее в духе авторов *Второй Софистики*, т. е. отдавая предпочтение риторическому представлению, красоте формы, а не сюжету и содержанию. Из статьи проф. Шона Гарда¹¹ мы видим, что подобное сугубое внимание к представлению подчас было свойственно не только профессиональным риторам. Так, Гален, который был известен своим равнодушием к таким заповедям *Второй Софистики*, как соблюдение чистоты классического языка и архаизаторский стиль, стремился, словно софист, предстать в своих сочинениях как «*pepaideumenos*». Причем, особенно интересно, что такой образ ав-

⁸ Schmidt T. Sophistes, barbares et identité grecques: le cas de Dion Chrysostome // Ibid. P. 105—119.

⁹ Auburger J. Pausanias le Périégète et la Seconde Sophistique // Ibid. P. 133—145.

¹⁰ Schlapbach K. Dance and Discourse in Plutarch's Table Talks 9. 15 // Ibid. P. 146—168.

¹¹ Gurd S. A. Galen on «ἔχδοσις» // Ibid. P. 169—184.

тора свойственен даже тем текстам Галена, которые он не предполагал издавать как литературные произведения. Кроме того, Гард отмечает, что во время первого визита в Рим Гален попал в среду ярких ораторских поединков и, будучи вдохновлен ими, составил несколько показательных речей (*De locis affectis; De dignoscendis pulsibus*). Тем самым мы вновь в лице Галена видим фигуру, не вписывающуюся в софистическое движение, но соответствующую духу своего времени.

В заключительном разделе обсуждаются актуальные для современной полемики вопросы, связанные с так называемой *Третьей Софистикой*. Проф. Джон Вандерспоел¹² ставит перед собой принципиальный вопрос: можно ли на основании того, что Либаний был искренним поклонником Аристиде и стремился подражать ему, утверждать, что он желал вместе с тем вернуть период *Второй Софистики* и войти в число ее представителей? По мнению автора, Либаний действительно пытался вписать себя в великую риторическую традицию и тем самым противопоставить зарождавшейся христианской традиции. В то же время сугубое внимание Либания к Аристиду было, по всей видимости, спровоцировано новым изданием его сочинений, имевшим место в 350 г., а также открытием библиотеки в Константинополе. Проф. Кристиан Рашль¹³ обратился к сходной теме. Рассматривая факт обращения в IV в. к периоду *Второй Софистики*, он избрал объектом своего исследования седьмую речь Фемистия, в которой воспроизводятся многие элементы «Речей о царстве» Диона Хризостома. Подробно сопоставляя данные произведения, Рашль убедительно показывает, что использование речей Диона в качестве ориентира и образца нисколько не мешает Фемистию выступить новатором в своих работах, поэтому, по мнению автора, в данном случае речь не может идти о воспроизведении, но только об умеренном подражании.

Итак, в целом статьи, представленные в сборнике, являют отрадную картину отказа от примитивного подхода ко *Второй Софистике* как к литературному течению, знаменующему упадок ораторского искусства, или как к своего рода «элитному клубу» ораторов, или как к социально-политическому движению. Участниками исследовательского проекта была сделана попытка насколько возможно объективно оценить данную эпоху, принимая во внимание разные литературные, социальные, политические и религиозные реалии. Однако, к сожалению, несмотря на вступительную статью и тематическое распределение докладов, сборнику недостает целостности, единого взгляда и общего подхода. Выводы, сделанные в заключении большинства статей, представляются очень важными для понимания эпохи и *Второй Софистики* в целом, но авторы не утруждают себя подобными теоретическими рассуждениями, оставаясь в рамках своих узких тем, поэтому формирование нового подхода к *Второй Софистике* остается задачей будущего.

А. В. Усачева
(ГЛК)

¹² *Vanderspoel J.* Were the Speeches of Aelius Aristides «rediscovered» in the 350s p. // *Ibid.* P. 187–198.

¹³ *Raschle C. R.* Thémistios et la Seconde Sophistique: le thème du tyran // *Ibid.* P. 216–234.